

❧ *Любовь, интрига, тайна* ❧

**Читайте романы Натальи Орбениной –
любовно-криминальные истории конца XIX века:**

1. Ледяная дева
2. Жена иллюзиониста
3. Адвокат чародейки
4. Супруг для богини
5. Три княгини
6. Исповедь авантюристки
7. Ночная колдунья
8. Невеста Сфинкса
9. Дама чужого сердца

Наталья Орбенина

ЛЕДЯНАЯ ДЕВА

Москва
2024

УДК 821.161.1-312.4
ББК 84(2Рос=Рус)6-44
О-63

Редактор серии *А. Антонова*
Оформление серии *А. Зининой*

Орбенина, Наталья.

О-63 Ледяная дева : [роман] / Наталья Орбенина. —
Москва : Эксмо, 2024. — 320 с.

ISBN 978-5-04-199893-6

Сочинитель сказочных пьес Феликс Нелидов зарекся влюбляться, так как три его жены погибли. Сказочник уверен: виноват именно он, ибо все три смерти произошли по сценариям написанных им сказок. Но вот на пути Нелидова возникает барышня Софья Алтухова. Между молодыми людьми вспыхивает страсть, затмевающая страх писателя за судьбу девушки. В тот момент он заканчивает пьесу «Ледяная дева», в финале которой героиня тонет подо льдом. И сюжет начинает сбываться! Правда, в самый трагичный момент Софью спасают. После такого поворота событий влюбленные понимают одно: злой рок здесь ни при чем. Ведь лед намеренно надкололи! И, похоже, сделал это человек из их ближайшего окружения!!!

УДК 821.161.1-312.4
ББК 84(2Рос=Рус)6-44

© Орбенина Н., наследники, текст, 2024
© Оформление. ООО «Издательство
«Эксмо», 2024

ISBN 978-5-04-199893-6

Чужая душа – потемки.

Поговорка

Часть первая

Глава 1

«И только диву даешься, уважаемые господа читатели, как много в нашей жизни происходит такого, чего наш скудный разум не в состоянии понять. Вот именно для таких случаев и нужны эти самые колдуны, ведьмы, маги, прорицатели, знатоки столоверчения и заклинатели духов умерших. Заметьте, не учителя, не профессора и знатоки наук зовутся в толкователи, а именно эта мракобесная публика. Они как мухи на мед слетаются туда, где, на первый взгляд, рациональное знание отступает. Однако же нам, поборникам просвещения, должен быть утешителен тот факт, что даже при самых явных признаках потустороннего присутствия всегда имеется некий незначительный шанс торжества здравомыслия и простого объяснения. Именно таким образом всегда и поступает небезызвестный следователь сыскной полиции Сердюков Константин Митрофанович. Нам уже доводилось рассказывать нашим читателям о таинственных и запутанных делах, которые успешно были разрешены господином Сердюковым. Между прочим, во многих из них чертовщиной и

колдовством отдавало за версту, но после того, как за дело брался наш герой...»

Сердюков отбросил газету и поморщился. Какая глупость! И как, однако, неделикатно! Выставили его черт знает в каком виде, эдаким борцом с темными силами! Тьфу! Вот и пожинай теперь плоды подобной славы. Следовательно подавил раздражение и снова со вздохом обратился к посетительнице:

— Стало быть, после прочтения этой газетной заметки вы и решили обратиться ко мне?

— А к кому же еще, сударь? — изумилась посетительница, полная, румяная женщина средних лет. — Рассудите сами, кто же меня слушать-то станет, решат — не в уме баба, да и кому такое пере-скажешь?

Женщина понурилась и поправила съехавший на лоб платок. Повисло молчание. Сердюкову страсть как не хотелось снова сделаться специалистом по распутыванию потусторонних чудес, коим он уже успел прослыть среди своих коллег и начальства. Эту славу он считал сомнительной, но, увы, несколько громких и странных дел, которые он вел, накрепко связали его имя с самыми загадочными и плохо объяснимыми событиями и явлениями.

Сердюков снова вздохнул, и на этот раз громче обычного. Женщина вздрогнула.

— Что ж, мне уйти, батюшка?

— Да нет, уж, коли пришли, давайте разбираться, что там приключилось с вашей барышней и что это за Синяя Борода такая.

— Да, так и сказала, что, мол, точно Синяя Борода! И упала. Так и лежит, бедная моя!

— А вы знаете, что такое «Синяя Борода»? — по-дивился следователь, который в далеком детстве почитывал жутковатые сказки французского сочинителя господина Шарля Перро. Простоватый вид его собеседницы не предполагал в ней начитанности.

— Знаю, сударь, как не знать, коли я моей барышне, деточке, Сонечке, книжечки все читала. Я ведь грамотная. А после, как подросла, она мне читала вслух по вечерам, так и развлекали друг друга, особенно когда она сироткой осталась. Я ж ей и нянька, и кухарка, и горничная, и верный друг. Мы с Филиппом Филипповичем...

— Простите?

— Муж мой, Филипп Филиппыч, он в нашем доме за дворника, сторожа, швейцара и так, помощь на все руки. — Собеседница чуть улыбнулась при упоминании имени мужа, да спохватилась. — Втроем живем: барышня моя — Софья Алексеевна Алтухова, я при ней и мой муж. Я в этом доме всю жизнь, в барских покоях с детства росла. Замуж вышла, да за мужем подалась в Петербург. Он на фабрику устроился, да только не повезло ему — калекой сделался, без ноги остался. Я к барыне покойной в ноги кинулась, она меня опять к себе приняла, к девочке своей приставила. Вот я с той поры и при ней, служу ей верой и правдой, да и не служу даже, а как за родным дитя переживаю, своих ведь Господь не дал. А барышня наша прелесть какая! И статная, и милая, и образованная!

А голос какой, заслушаешься! Она в училище для девочек служила, начальство ее очень было довольно. Одно было плохо, нет жениха достойного, и все тут! Словно у господ глаз нету! Словно не видят, какое сокровище пропадает! Она, моя птичка, так и сидела в девушках. Я все убивалась, все Бога молила послать ей жениха достойного, чтобы мне, ежели помру, так не стыдно было перед ее маменькой на том свете предстать. Так, поди же ты, все нет и нет!

Я ей, Сонечке-то, говорю, дитя, век бабий недолог, пропадет краса и молодость. А она мне, что на роду написано, тому и быть! Не буду я сваху просить мужа мне искать! Гордая! Да, к слову сказать, в нашем городишке и искать-то было негде. И некого. Все женихи наперечет. Есть, правда, некоторые, да очень уж никудышные. Так уж больно я надеялась, что она всякий раз, когда в Петербург к Толкушиным едет, так уж точно приглянется какому-нибудь порядочному человеку. Вон ведь, сколько народу по улицам ходит!

Женщина махнула рукой в сторону мутного окна кабинета следователя.

Да уж, и впрямь, много ходит. А сколько из них подлецов, низких и гадких личностей, мошенников, воров и убийц! Следовательно это обстоятельство было известно лучше, чем кому-либо.

— Значит, ваша барышня Софья Алексеевна все эти годы проживала в городе Энске, в собственном доме, доставшемся после смерти родителей, служила в женском училище и дожила до опасного возраста, когда можно остаться в старых девах,

и тут, по вашему рассказу, ей подвернулась чудесная партия.

— Да, сударь, именно так! Я и поверить не могла, что Бог услышал мои молитвы и послал нашей Соне такого завидного жениха. Как я надеялась, через Ангелину Петровну, благотельницу Сонечкину, все и получилось. Она, моя радость, такая счастливая была, что мы с Филиппом Филиппычем сами плакали от счастья, глядя, как она вся светится. Я все поверить не могла. Жених-то наш и богат, имение наследовал в окрестностях Энска, и образованный такой; они все говорили, говорили друг другу что-то, смеются, перебивают, воркуют... И манеры такие приятные: обходительный, заботливый, и подарки носил чуть ли не каждый день. Весь город моей барышне завидовал. Мол, и чего это именно ей выпало такое немислимое счастье, ведь и помоложе девицы сидят, и покраще, и с богатым приданым, не то что моя девочка. А потом, смотрю, как будто свет потух, поникла Соня, с лица спала. Ходит сама не своя, ночью слышу, не спит, ворочается. Мается. Я с расспросами, а она мне: «Не мучай меня, Матрена Филимоновна, не знаю, что тебе и сказать, да только кажется мне, что сказке моей о принце пришел конец». Вдруг уехала, не было ее, потом является, белая вся, трясется, глаза круглые как блюдца. «Вот, Матреша, говорила я тебе, что сказке моей про принца пришел конец? Говорила? Так вот, не принц это оказался. Не принц, а самая настоящая Синяя Борода! Не алтарь меня ждет, не брачное ложе, а жуткая смерть, погост!»

Сказала так и упала. Мы насилу ее дотащили до кровати, водой холодной обливали, муж за доктором бегал. В горячке лежала, все бредила. Я этого бреда наслушалась... и сама чуть с ума не сошла. Жених-то наш злодеем оказался ужасным! Прямо как в той страшной сказке. Соня, когда очнулась, я и спрашиваю ее, ты что такое говорила про господина Нелидова? Она в сторону смотрит, бред, мол, в горячке. Тут я испугалась еще пуще. Сделала вид, что к родне в столицу понадобилось, а сама к вам за помощью. Газетку вот схоронила, она и пригодилась. Насилу вас и нашла, не пускали меня, да только мне деваться некуда, некого просить о помощи. И возвращаться надо побыстрее, как она там без меня, мой ангел!

— А как жениха зовут? — уточнил следователь.

— Феликс Романович Нелидов.

— А чем занимается, не знаете?

— Как же не знать, знаю. Литератором представился. Соню мою этим пленил, они все о книгах да о стихах говорили. Он вроде как и пьесы пишет для театров, не знаю точно. Но происхождение у него дворянское. И наследство имеется порядочное.

— Наверное, иначе на какие же деньги он имение купил. Неужто на жалованье в театре или на гонорары? А, кстати, вы упоминали фамилию Толкушиных и имя благодетельницы некой Ангелины Петровны?

— Да, батюшка. Ангелина Петровна Толкушина. Она тоже из Энска. Родительский дом ее рядышком с нашим, садами соседи. Замуж в Петербург вышла.

— А мужа ее не знаете как звать?

— Господь с вами, сударь, как же не знать, коли барышня моя каждый год, да по два раза в этом доме гостила! — собеседница даже махнула на следователя полной рукой. — Тимофей Григорьевич Толкушин, купец, солидный человек!

— Толкушин! Тимофей Григорьевич! — обрадовался следователь и откинулся на стуле, потирая бледные длинные кисти рук. — Так-так! Славно! Славно!

Матрена Филимоновна смотрела на собеседника с непониманием: чего уж тут славного? Она многое знала о Тимофее Григорьевиче такого, чему не порадуешься.

— Странное совпадение, — рассуждал вслух следователь. — Знаете ли вы, что стряслось с купцом Толкушиным?

— Откуда же нам знать, сударь, мы далеко, в глуши, до нас вести не сразу доходят! — пожала плечами собеседница, но как-то уверенности в ее голосе следователь не уловил.

— Он арестован по подозрению в убийстве своей любовницы, актрисы театра Изабеллы Кобцевой.

— Прости господи, доигрался! Седина в бороду, бес в ребро! Наказал бог! Наказал! — запальчиво воскликнула женщина и истово перекрестилась.

— Среди тех, кто служил в театре, упоминается и имя вашего таинственного господина Нелидова. Любопытное, однако, совпадение!

Следователь замолчал и задумался на несколько мгновений. Есть ли тут какая-нибудь связь? Придется побеседовать с этим странным литератором и с его возлюбленной.

— А теперь где Нелидов находится, в Энске?

— Не знаю, сударь, в том-то и дело, может, у себя в Грушевке, а может, он в Петербург подался. Только вы тут его и отыщите, да и арестуйте!

— Вот тебе раз! — изумился следователь. — Где же я его разыщу, и что я ему, с вашего позволения, скажу, на каком основании я его арестую? Нет, голубушка, уж коли вы пришли ко мне, так должны знать, что я за дело берусь обстоятельно. И если действительно в этой истории есть преступление, мы его будем расследовать. А для этого мне надо, по крайней мере, поговорить с госпожой Алтуховой. Так что в скором времени придется мне навестить ваш богом забытый Энск.

Когда Матрена Филимоновна ушла, переваливаясь с ноги на ногу, следователь отправился к родственнику, некогда служившему инспектором в Институте благородных девиц. Хорошевский — так звали кузена — имел богатую библиотеку и чрезвычайно подивился, когда Сердюков попросил у него на некоторое время том французских сказок. Вернувшись поздно вечером в одинокую холостяцкую квартиру, Константин Митрофанович наскоро проглотил ужин, оставленный кухаркой, и устроился читать. Было уже далеко за полночь, когда сон и усталость сморили следователя. Лампа едва горела, фитиль коптил, на стене дрожали тени. Книга выпала из рук, глаза закрылись сами собой. Сердюков спал и во сне видел ужасного графа по прозвищу Синяя Борода. Полицейскому

снилась молодая жена графа и замок с тайной комнатой, которую открыла любопытная женщина, а в ней находились тела прежних жен, которых граф злодейски убил.

Глава 2

Софья Алексеевна Алтухова была неприятно изумлена явлению в свой дом незнакомого высокого белобрысого мужчины средних лет, представившегося следователем петербургской полиции. Гостю пришлось долго ожидать в гостиной, пока хозяйка приведет себя в надлежащий вид. Софья Алексеевна приняла гостя в скромном домашнем платье, с наскоро убранными волосами. Нет, она вовсе не слыла неряхой, совсем наоборот. В Энке госпожу Алтухову видели если не в миленькой шляпке, то с идеально причесанной головкой, искусно уложенными светлыми волосами. Всегда затянутая в корсет, прямая и строгая, как учительская указка, она являла собой пример своим ученицам в женской гимназии, где преподавала и русскую словесность, и историю. В маленьком городишке, где все друг друга знают в лицо, где могут запросто явиться на дом родители учениц, сами ученицы или, не дай бог, гимназическое начальство, Софья Алексеевна не могла позволить себе быть неопрятной, не могла быть застигнутой врасплох. И посему, даже если она и вовсе не выходила из дома, то все равно была строга к себе, и отражение в зеркале оставалось самым непреклонным судьей.

И вот вдруг эта же самая Софья Алексеевна не выходит из дома, не принимает визитеров, лежит сутками напролет в постели, и Матрене Филимоновне со слезами и криком удается поднять барышню, чтобы хоть расчесать ее длинные косы. Так ведь и колтун скататься может! И что прикажете тогда делать? Неужто остричь, как тифозную?

Сердюков уже три четверти часа мерил гостиную шагами в ожидании хозяйки. Дом как дом. Таких много в русской провинции. Сдержанное благородство обстановки, за которым прячется очень скромный достаток. Портреты покойных родителей в деревянных темных рамах. Вышитая крестиком скатерть на круглом столе под абажуром. Деревянные стулья с высокими спинками чинно расставлены вокруг стола. Чуть продавленный диван с бархатными подушками и весьма приметными волосками кошачьей шерсти. На окошке фуксии и герань, кружевные занавески скрывают от любопытных глаз соседей жизнь этого дома.

Чуть скрипнула половица, следовательно обернулся, надеясь, что это хозяйка. Ан нет, это хозяйский кот. Спокойно и важно, чуть хромая на переднюю лапу, большой серый кот, бесшумно ступая на мягких лапах, подошел к незнакомцу и едва прикоснулся к башмакам гостя, брюкам, шевеля усами и поглощая новые запахи. Сердюков поспешно отдернул ногу, как и многие мужчины, он не пылал любовью к кошачьему племени, да и собирать светлые шерстинки с одежды ему не хотелось. Кот посмотрел на него с недоумением и упреком. Что, мол, сударь, здороваться не желаете, брезгуете мною?

— Кисуля! Поди прочь, оставь гостя в покое! — раздался приятный женский голос. — Чем обязана, сударь?

Сердюков поклонился вошедшей даме. Госпожа Алтухова показалась ему чрезвычайно бледной и утомленной. Но ни синева под глазами, ни глубокая грусть, причина которой была следователю уже частично известна, не могли испортить миловидности ее лица. Нет, она не была красавицей, но все ее черты имели особую выразительность, которая присуща одухотворенным, думающим, глубоким натурам, подверженным сильным страстям и переживаниям. Серые глаза смотрели строго, по-учительски.

— Госпожа Алтухова, я следователь полиции из Петербурга, Сердюков Константин Митрофанович. В ваш маленький город я приехал в связи с делом об убийстве госпожи Кобцевой. Вероятно, вы осведомлены о том, что в ее смерти обвиняется господин Толкушин. А вы, как я теперь знаю, частенько гостили в доме Толкушиных, вели близкое знакомство с супругой подозреваемого, Ангелиной Петровной Толкушиной. Я исследую все возможные аспекты данного дела, история чрезвычайно запутанная. Позвольте задать вам несколько вопросов?

— Извольте, — Алтухова пожала плечами и села на диван. Следователь пристроился на стуле, обходя деликатно кресло, предложенное хозяйкой, ибо там своим орлиным взором он заприметил опять же кошачью шерсть.

Кот, как только хозяйка уселась, тотчас же прыгнул ей на колени и принялся с легким урча-

нием когтить ее платье. Софья Алексеевна гладила кота и безучастно смотрела на гостя. По всему было видно, что судьба мужа подруги оставляет ее равнодушной. Или Алтухова только старается показать, что происшествие с ним ее не трогает.

— Вы давно знакомы с Толкушиными?

— Да, очень давно. Собственно, с Тимофеем Григорьевичем я познакомилась после замужества Ангелины Петровны. А ее саму я с детства знаю, она до замужества жила тут, неподалеку, — собеседница кивнула на окошко.

— Вас и Ангелину Петровну связывает доброе приязнтельство, правильно ли я понимаю?

— Да, можно сказать и так. Но поначалу наше близкое знакомство возникло... — Софья Алексеевна замолкла, стараясь правильно выразить мысль. — Словом, госпоже Толкушиной понадобились мои услуги как учительницы.

— Для своего сына?

— Нет, для нее самой.

— Я не совсем понимаю, что вы хотите этим сказать, — удивился следователь. — Зачем богатой купчихе, живущей в Петербурге, услуги бедной провинциальной учительницы?

— Видите ли, ситуация для Ангелины Петровны сложилась деликатная. И помочь ей мог только человек, на которого она могла полностью положиться. Я и оказалась таковой.

— Я полагаю, что репутация почтенной женщины не пострадает, если вы обрисуете мне, какого свойства ситуация?

— Что ж, если это поможет делу... Однако нам придется перенестись на много лет назад.

Молоденькая барышня Алтухова с наслаждением вдыхала запахи наступившего лета. Это было особенное лето, первое лето, которое она встречала взрослым человеком. Тяжелой холодной зимой она потеряла матушку и осталась совсем одна, если не считать няньку Матрену Филимоновну. Боль от потери по-прежнему терзала душу, слезы то и дело вскипали на глазах. Но что же делать, надобно жить дальше. Надо думать, как устроиться в этом неприветливом мире. И в этом же году она поступила на службу в гимназию для девочек. За плечами остался первый опыт учительства, первые разочарования и первые успехи. Наконец учебный год завершен, экзамены сданы, ученицы разошлись на каникулы. Наступил отдых и для юной учительницы. Теперь можно спокойно спать, не перебирая в голове все, что происходило за день в классах. Не заботиться о том, что говорить детям завтра на уроке. Не проверять их тетрадки до глубокой ночи. Можно просто спать, просто гулять в садике, просто читать для собственного удовольствия.

— Барышня! — раздалось за забором.

Соня вздрогнула. Горничная купцов Межениных помахала ей рукой.

— Барышня, не изволите ли пройти к нам? Наша молодая хозяйка вас спрашивают.

— Ангелина Петровна? — подивилась девушка. — На что я ей понадобилась?

— Не могу знать, приказывали позвать вас, и все тут.

Соня пошла к Межениным. Большой купече-

ский дом широко раскинулся вдоль улицы. Все тут говорило о состоятельности хозяев. Три этажа, парадное с колоннами, собственный выезд. Меженины слыли самыми богатыми купцами Энска. Единственная дочь Ангелина была просватана за столичного жениха Тимофея Толкушина и принесла с собой сказочное приданое, сделав молодого супруга одним из крупнейших петербургских купцов. Когда-то и Толкушины жили в Энске, да давно перебрались в столицу, дело уж больно бойко пошло. Но корней своих не забывали, вот и невесту сыну искали на родине, полагая, что столичные девицы слишком испорченные и избалованные городской жизнью и нравами. Сыграли свадьбу, затем у молодых родился сын Гриша. Ангелина Петровна раз в год обязательно гостила у родителей, привозила им на радость внука.

Соня знала Ангелину Петровну по-соседски. Однако обедневшая дворянская семья сторонилась близкого знакомства с разбогатевшим купечеством, вышедшим из крестьянского сословия. Покойная госпожа Алтухова всегда была лишь сдержанно любезна, и Соня переняла от матери эту манеру, хотя Ангелина Петровна казалась ей очень милой и доброжелательной женщиной.

Толкушина ждала гостью в саду под старой раскидистой яблоней, где был накрыт небольшой чайный стол. Увидев гостью, молодая женщина поднялась и протянула навстречу руки.

— Милая Софья Алексеевна! Я так скорблю о вашей матушке! Дозвольте мне обнять вас и выразить вам сочувствие.

Женщины обнялись. Слова были произнесены с таким искренним чувством, что Соня чуть было не разрыдалась.

— Благодарю вас. Мне и впрямь очень тяжело, — вздохнула Алтухова.

— Молодой девушке опасно одной. Опасно и сложно жить, думать о хлебе насущном. Вам надобно скорее замуж, тогда муж будет защищать вас и заботиться о вас. Надеюсь, что это скоро произойдет. Вы такая милая, образованная барышня, от женихов отбоя не будет!

— Не знаю. Не уверена, — все еще расстроено ответила Соня. — Женихи теперь все больше на приданое смотрят! — сказала и тотчас же густо покраснела от своей бестактности. Ведь все в городе знали, что Толкушин прежде всего Ангелину за приданое и взял.

— Поверьте мне, милая, что деньги еще не всегда дают счастье в семейной жизни, — Ангелина Петровна не рассердилась на девушку и по-прежнему улыбалась доброжелательно. — Я уж знаю это наверняка.

Горничная принесла чай, пирожные, мадеру, и дамы уселись под деревом.

— Нынче будет много яблок, — Соня рассматривала ветки, ожидая, когда хозяйка заговорит о главном, о цели приглашения. Ведь не только соболезнования же высказать хотела?

— Вам приходится много трудиться, я слышала, вы в гимназии служите. Вас хвалят!

— Благодарю, — скромно потупилась Соня.

— Я, собственно, и хотела бы просить вашей помощи как учительницы.

— А разве ваш сын уже подросток и надо репетировать его к экзаменам в гимназию? — изумилась Соня.

— Нет, еще слава богу нет, но скоро понадобится и это.

Ангелина Петровна помолчала и поправила темно-русый локон, выбившийся из высокой прически. Она словно не решалась сказать.

— Дело в том... Дело в том, что учительница нужна мне, — выдохнула хозяйка и покраснела.

— Вам? — изумилась Соня.

— Именно что мне! Видите ли, — она, смущаясь, провела рукой по скатерти, — вы правильно сказали, что многие ищут богатства. Да только к богатому приданому не приложишь ума, знания, вкуса.

— Помилуйте, Ангелина Петровна, я не пойму, неужто вы о себе говорите? — Соня округлила глаза.

— Именно, что о себе, вот в чем беда! В гимназии науки одолевала с трудом, я не была первой ученицей. Для моих родителей главное было, чтобы я росла богобоязненной и скромной да почитала старших, воспитывали меня в старинном духе. Да что вам рассказывать, вы же знаете уклад нашего дома и нашего провинциального города. Мужа моего, Тимофея Григорьевича, и его мать, Устинью Власьевну, такая невестка, как я, очень даже устраивала. Сохраняется дух русских купеческих семей. И все было бы хорошо и славно, да только Тимофей Григорьевич в последнее время увлекся меценатством. Деньги у него рекой плывут. А когда денег много, это для души опасно становится.